

/ Молодежный театр Алтая
им. В.С. Золотухина

«ГРОЗА» В РОССИИ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ГРОЗА

Размышления о спектакле Молодежного театра Алтая,
поставленном по пьесе А. Н. Островского «Гроза»

Режиссер-постановщик
Анна Зуева
(Новосибирск)

Художник-постановщик
Любовь Бойкова
(Новосибирск)

Художник по костюмам
Олеся Беселия
(Новосибирск)

Хореограф-постановщик
Ольга Плясуля
(Новосибирск)

Сцена из спектакля «Гроза». Катерина — Ольга Жучкова, Борис — Александр Савин. Фото с сайта театра

Пьеса «Гроза» Александра Николаевича Островского всегда была (и есть!) для русского театра произведением знаковым по непреходящей актуальности. И все потому, что драматический конфликт «Грозы» уходит глубокими корнями в общественную и семейную модель русского патриархального мира. Он вскрывает саму природу коллективного бессознательного, как хранилища наследственной памяти, образов и символов. Где кровная связь людей, скрепленная личной несвободой и страхом перед неизменными многовековыми традициями становится горьким и неизбежным источником драматического конфликта. «Гроза», написанная в 1859 году, как никакая другая пьеса А.Н. Островского, всколыхнула всю пишущую и читающую творческую интеллигенцию России. Литературные и театральные критики в лице Николая Добролюбова, Александра Кугеля, Дмитрия Писарева, подробнейшим образом проанализировали в своих статьях и «темное царство», и «освежающий родник», и «мотивы русской драмы». В ведущих театрах Москвы и Санкт-Петербурга спектакли по пьесе «Гроза» имели шумный успех и общественный резонанс. Странно об этом сейчас писать, но Мейерхольд первым поставил «Грозу» в стилистике модерна в Александринском театре Санкт-Петербурга в 1916 году. Однако Лев Николаевич Толстой написал в это время Афанасию Фету, что «Гроза» Островского есть сочинение «плачевное»... Ну, что тут скажешь? Не довелось Толстому посмотреть спектакль в Молодежном театре Алтая!

Игровое пространство спектакля «Гроза» организовано с учетом принципов конструктивизма (художник-постановщик Любовь Бойкова). Тяжелая металлическая платформа с верхней горизонтальной площадкой и вертикальными лестницами по бокам напоминает железнодорожный виадук. На нем вполне гармонично расположились все участники спектакля. Они громко, складно и напористо поют песню о том, что жизнь проходит просто зря! И звучит это настолько убедительно, что не согласиться с интенцией режиссера-постановщика Анны Зуевой никак невозможно. А то, что это только пролог и ничего существенного пока не произошло, — неважно! Картинка, как говорят сценографы,

радует глаз. Да и среда обитания славных жителей города Калинова ничем особо не перегружена, не угнетена. Все очень просто. Только — самое необходимое. Столы, лавки, деревья в кадках. Места много. Есть где разгуляться. Молодежь хороводы водит да песни поет, а кто постарше, как, например, Кабаниха (Любовь Хотиева) и Дикой (Евгений Бакуменко), так те в ручеек играют. Лепота! Впрочем, тут все играют. Принцип постановки такой: игра в игре. Вот и Кудряш (Виталий Полозов) для наглядности повис на перилах виадука вниз головой и при этом текст роли произносит! Правда, мало что понятно из текста, зато — биомеханика. Привет Мейерхольду! А так как Всеволод Эмильевич сам когда-то ставил «Грозу» в Александринке, так привет-то получается в квадрате! Не сравнить, конечно, качка Кудряша с Тихоном, мужем Катерины. В трактовке режиссера, что совсем немаловажно, Тихон Александра Рейна получился фигурой весьма живописной. Мягкий, безвольный, как бы размазанный жизнью провинциальный алкоголик с детской улыбкой на лице. И зачем его женили? Жил бы себе и жил потихонечку. Но тут снова в режиссерском прочтении пьесы возникает какая-то постмодернистская несоразмерность. Очень трудно поверить, чтобы единственному своему наследнику прагматичная Кабаниха приглядела бы такую невнятную жену, как Катерина Ольги Жучковой. Малахольная она, что ли? Ведь еще ничего такого, считай, не произошло, а она уже от страха с ума начинает сходить и бедного Бориса (Александр Савин) до слез доводить. (Хотя слезоточивость актера на сцене никакого отношения к профессиональному мастерству не имеет.) Но, видно, до мастерства еще очень далеко, и потому в спектакле «Гроза» наши молодые актрисы много и упоительно плачут. Принцип организации сценического пространства «Грозы» порой досадно диссонирует с жанровыми особенностями психологической драмы. По ходу развития событий где-то там, под конструкциями, вдруг раздается знакомый вопрос: «Отчего люди не летают?» Так и подмывает ответить: «Оттого, что не хотят». Ну, к кому этот текст приложить-то? Монологи Катерины

вялы и аморфны по энергетике. Неорганичны по внутреннему проживанию. К сожалению, почти все актеры уходят в изображение чувств своих персонажей, забыв, что «Гроза» — пьеса глубоко психологическая. И что цена всей этой истории — человеческая жизнь! Возможно, теперь все это уже не так глобально понимается, судя по режиссерской трактовке, но для Островского смысл-то произошедшего был именно в этом! А в чем же еще? Не в песне

же Гарика Сукачёва «А за окном был месяц май»?! Панибратское отношение с драматургом, с содержанием пьесы медленно, но верно погружает нас в пространство маскультуры. История Кати Кабановой зависла где-то между Александром Островским и Гариком Сукачёвым. Между драмой и экшеном, в котором тоже все поверхностно, спонтанно и динамично.

Елена КОЖЕВНИКОВА